

фразы из писем Львова, или сам отвечает за друга, несколько утрируя манеру его речи. «Послушай, Николай Александрович. „Пошел, ну!“ Да нет, слушай! ..нельзя не поздравить тебя, что Александр Андреевичу Владимира первого класса дали. Ты говоришь, чтоб я, получа эту ведомость, не плакал; я думаю, что и ты не печалился» (73). Иногда в разговор вступает их общий приятель Капнист, как правило, с характерным для него словечком «в прочем коли ж», которое Хемницер целенаправленно употребляет и подчеркивает в письмах. Тогда эпистолярная беседа двух друзей превращается чуть ли не в шумную вечеринку литературного кружка. «В прочем коли ж ты устал об турецшине слушать, так мы и о другом заговорим <...> В прочем коли ж что нужно, так нужны твои и вообще наших письма» (68, 83).

Послания Хемницера ценны не только тем, что в них отразилась эволюция жанра письма, закономерно идущая от застывших стандартных форм к эмоционально напряженной переписке, разрушающей любые клише. Уникальность эпистолярного наследия баснописца заключается в том, что его письма доносят стилистику общения и сложную ткань устной речи, звучавшей в среде дворянской элиты второй половины XVIII в. Острословие и афористичность фразы были не просто индивидуальными качествами балагуров, счастливо наделенных чувством юмора. Изысканная легкость разговора становилась концепцией поведения, затрагивающей даже унылую чиновную бюрократию. Искушенный Львов знал, какой эффект на образованного сановника может произвести удачная шутка, мастерством которой он владел в совершенстве.

«Ты говоришь, для чего я иногда в письмах моих к сим господам к стати пристойно не подшучу? Друг мой, ты знаешь, что я только я с друзьями моими быть могу; а где не друзья мои, там уж от меня толку не жди: где каждое слово на вески класть надобно, тут сам ты знаешь шутить не ловко: да ничего и на ум не припадет» (77). Однако Хемницер, первоначально намеревавшийся посвятить свое первое издание П. В. Бакунину, писал в так и не дошедшем до вельможи «К басням моим приношении впредь»: «Давно мне хочется вам угодить, милостивый государь. Вы меня принимали всегда так милостиво; все, кои тем же самым приемом пользуются, по крайней мере угождают вам острою своих разговоров <...> я никак не способен беседу вашу увеселить. Но, чтобы хоть сколько-нибудь вам угодить и милость вашу заслужить, так я найшу на вас бабен моих».⁶²

Не слишком ловкий на слово с придворными, Хемницер абсолютно не страдал косноязычием в приятельской беседе и в письмах к друзьям. Он не упускал ни каламбуров, ни игры на смысловых и стилистических контрастах, ни маркировки слов. «Сказал бы я те-

⁶² Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 282—283.